

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-463-478

УДК: 811.161.1'373:82-1

Научная статья / Research article

Специфика функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова

Е.И. Зыкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
*Университетская набережная, д. 11, Россия, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация, 199034*
e.zikova@spbu.ru

В статье речь идет о специфических особенностях функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова. Анализируя поэтическое творчество Дмитрия Львовича Быкова, современного российского писателя, поэта, общественного деятеля, публициста, невозможно не заметить, что поэт использует «крылатый» языковой арсенал во всем его многообразии. Это и библейские крылатые слова, и цитаты (мафусаилов век, ищите и обрящите, геенна огненная), цитаты из произведений, русской и европейской литератур (Через четыре года здесь будет город-сад! Прощай, свободная стихия! Офелия, О нимфа! Помяни грехи мои в молитвах!), крылатые выражения, восходящие к античности (Жребий брошен! белая ворона), цитаты из современных и советских песен (Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно!). Кроме того, рассматривается вопрос о специфике стилистических функций крылатых выражений, которые использует Дмитрий Быков в своей поэзии. Среди самых значимых и наиболее частотных и выразительных могут быть выделены сатирическая и композиционная функции. В России Дмитрий Быков известен как писатель, поэт-сатирик, пишущий преимущественно на острые политические и социально значимые темы. Поэтому совершенно понятно, почему одной из излюбленных функций крылатых выражений, которые он использует, является депатетическая. Немаловажным художественным языковым средством в поэтической сатире Д. Быкова являются его авторские трансформы крылатых выражений. В поэзии Дмитрия Быкова можно найти применение почти весь спектр индивидуально-авторских трансформаций, как семантических, так и структурно-семантических. Дмитрий Быков — мастер глубокого, неоднозначного образа. В своих стихах он создает сложные аллегории, его образы метафоричны, полны сарказма. И чтобы достичь этой глубины изображения, автор использует чаще всего не один, а несколько приемов преобразований крылатых выражений в рамках одного контекста, что является, на наш взгляд, еще одной специфической чертой художественного стиля писателя.

Ключевые слова: фразеология, крылатые выражения, трансформация, фразеологическая стилистика, поэтика, стилистические функции

Благодарность:

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» (№ 17-29-09064офи-м)

© Зыкова Е.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 30.04.2020

Для цитирования:

Зыкова Е.И. Специфика функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 463—478. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-463-478

UDK: 811.161.1'373:82-1

The Specificity of Functioning of Winged Expressions in the Poetry of Dmitry Bykov

Elena I. Zyкова

Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education

“St. Petersburg State University”

11, University Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

e.zikova@spbu.ru

Abstract. The article deals with the specific features of the functioning of winged expressions in the poetry of Dmitry Bykov. Analyzing the poetic work of Dmitry Lvovich Bykov, a modern Russian writer, poet, public figure, publicist, it is impossible not to notice that the poet uses a “winged” language arsenal in all its diversity. These are biblical winged words and quotations (*мафусаилов век, ищите и обряцете, геенна огненная*), quotations from works, Russian and European literature (*Через четыре года здесь будет город-сад! Прощай, свободная стихия! Офелия, О нимфа! Помяни грехи мои в молитвах!*), winged words, dating back to antiquity (*Жребий брошен! белая ворона*), quotes from modern and Soviet songs (*Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно!*). In addition, the question of the specific stylistic functions of winged expressions, which Dmitry Bykov uses in his poetry, is considered. Among the most significant and most frequent and expressive can be distinguished satirical and compositional functions. In Russia, Dmitry Bykov is known as a writer, a satirist poet, writing mainly on acute political and socially significant topics. Therefore, it is completely understandable why one of the favorite winged words functions that he uses is depathetic. An important artistic language means in D. Bykov’s poetic satire is his author’s transformations of winged expressions. In the poetry of Dmitry Bykov, you can find the use of almost the whole range of individual-author transformations. Both semantic and structural-semantic. Dmitry Bykov is a master of a deep, complex image. In his poems, he creates complex allegories, his images are metaphorical, full of sarcasm. And in order to reach this depth of the image, the author most often uses not one, but several methods of transforming winged words within one context, which is, in our opinion, another specific feature of the writer’s artistic style.

Key words: phraseology, winged expressions, transformation, phraseological stylistics, poetics, stylistic functions

Acknowledgment:

The reported study “Classics of Russian literature in the mirror of winged expressions” was funded by RFBR according to the research project (17-29-09064офи-м).

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 30.04.2020

For citation:

Zykova, E.I. (2020). The specificity of functioning of winged expressions in the poetry of Dmitry Bykov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 463—478. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-463-478

Введение

Проблеме функционирования крылатых выражений (далее — КВ), как одним из важнейших языковых средств, содержащих в своей семантике культурную информацию, всегда уделялось большое внимание.

Много исследований было посвящено выделению и описанию основных функций крылатых выражений. Типология функционирования крылатых слов была рассмотрена в работах С.Г. Шулежковой [1], Л.П. Дядечко [2], В.М. Мокиенко [3] и других исследователей славянской фразеологии [4—20]. С.Г. Шулежкова выделяла следующие функции: характеризующую, функцию лозунга или призыва, аргументирующую, функцию контактоустанавливающей реплики, юмористическую, заголовочную, композиционную [4].

Особое внимание стоит обратить на кумулятивную функцию крылатых выражений, которую они выполняют благодаря своему культурологическому семантическому потенциалу и способности хранить часть культурной информации источника, из которого они вышли.

В.М. Мокиенко, также признавая за КВ статус языковых единиц, выделял лишь «3 категориальных признака: 1) паспортизация конкретным текстуальным источником; 2) стереотипизированность и воспроизводимость в готовом виде; 3) интертекстуальность, т.е. способность служить строевыми элементами текста (или его фрагментов), маркируя его семиотически (на уровне концептов и символов) или стилистически» [3. С. 163]. При этом в качестве основного признака КВ все исследователи выделяли его связь с источником или автором.

Вышеперечисленная разнородность крылатых выражений, как по своей грамматической структуре, так и по структуре значения, на наш взгляд, непосредственно связана с их функционированием в тексте. КВ-лексемы (*Отелло*, *Баба-Яга*, *Иуда*) и устойчивые словосочетания, представляющие идиоматическое ядро КВ (*метать бисер перед свиньями*, *прокрустово ложе*, *сизифов труд*, *молочные реки*, *кисельные берега*) имеют как коннотативный, так и денотативный семантический компонент. И, соответственно, подобно ФЕ они способны выполнять номинативную функцию, т.е. служить образным, экспрессивным обозначением предмета, лица, явления и т.д. Но в отличие от «чистых» ФЕ ФЕ-крылемы еще вносят в контекст различные ассоциации с источником, из которого они вышли.

Интересно, что по мере увеличения структуры КВ упрощается их семантика, т.е. исчезает денотативный компонент значения, и на первый план выходят коннотативные элементы. Речь идет, прежде всего, о КВ афористического происхождения, об образно-описательных и поэтических цитатах,

патетизмах, цитатах из песен, кинофильмов, мультфильмов и т.д. По своей структуре эти выражения, как правило, представляют собой предложения.

Разнообразием структуры, значения и функционирования объясняется, на наш взгляд, большой интерес современных русских писателей и поэтов к КВ, их выбор этих единиц в качестве языкового инструмента для создания или усиления художественного образа.

Материалы и результаты исследования

Источники КВ, используемых в поэтических текстах Д. Быкова

Анализируя поэтическое творчество Дмитрия Львовича Быкова, современного российского писателя, поэта, общественного деятеля, публициста, невозможно не заметить, что поэт использует «крылатый» языковой арсенал во всем его многообразии.

Признавая справедливость тезиса о прямой связи функционирования КВ с их источником, нам кажется справедливым охарактеризовать спектр источников КВ, которые использует Д.Л. Быков в своей поэзии.

Даже беглого взгляда на поэзию Быкова довольно, чтобы увидеть приоритет литературных цитат, причем в основном из русской классической литературы, которые автор погружает в свой публицистически актуальный текст, в результате чего классическая поэтическая цитата служит неким нравственным ориентиром, благодаря аллюзии с авторитетом классиков русской литературы. В итоге этого противопоставления появляется сатирический каламбур: на фоне нравственной гармонии стиха более отчетливо проявляется уродливость какого-л. социального явления современной русской жизни.

Так, например, в стихотворении «Баллада бесприютности», написанном в привычной для Быкова манере — на злобу дня — поводом послужило известие о запрете украинскими властями въезда на территорию Украины граждан РФ мужского пола младше 60 лет. Стихотворение — проявление едкой, обличающей сатиры Быкова, в котором автор изложил свое видение современной ситуации в России, оказавшейся, по сути, в изоляции от многих стран мира. Перечисление мест, где не жалуют россиян, автор заканчивает высокой патетической цитатой из стихотворения Ф.И. Глинки «Военная песнь», написанного во время Отечественной войны 1812 года, когда русские войска обороняли город Смоленск. Стихотворение Глинки звучит как призыв к защитникам Отечества — России верным сынам — «сомкнуться в ратном строю» и «отыскать славу и свободу друзьям, Отечеству, народу». Все стихотворение Ф.И. Глинки, как и КВ *России верные сыны*, исполнено патриотической патетики, что подтверждают многочисленные факты употребления этой крылатой фразы на просторах Рунета и прежде всего в ресурсах патриотической направленности. Именно это коннотативное значение КВ Ф. Глинки и использовал в своей сатире Д. Быков:

Боюсь, нас примут только льдины,
Пространство вечной холодины,
Где обитают лишь пингвины —
России верные сыны.

С одной стороны, может показаться, что патетизм Глинки депатетизируется, т.е. лишается своего патриотического звучания, за счет расширения контекста лексемой *пингвины*. Но если внимательно вчитаться в весь текст стихотворения Д. Быкова, то становится ясно, что завершающая стихотворение крылема *России верные сыны* по-прежнему исполнена высокого патриотического звучания. А автор, используя ее в конце своего стихотворения, как бы ставит большую точку в перечислении «бесприютных» для россиян мест.

Как показал анализ, Д. Быков нередко прибегает к использованию цитат И.А. Крылова. Очевидно, что выразительность, меткость, назидательность строк великого русского баснописца весьма привлекательна для поэта и является мощным средством его стиха. Цитаты из произведений И.А. Крылова также очень часто используются для подытоживания рассуждения автора.

Так, например, цитата из басни «Зеркало и обезьяна» *ужимки и прыжки* используется как средство создания комического эффекта. Неся в себе память сатирического текста Крылова, она неизбежно придает стихотворению Быкова «Указательное» комический подтекст:

Я думаю, ты можешь уже оставить
Свои, так сказать, *ужимки и прыжки*
И мне наконец спокойно предоставить
Не о тебе писать мои стишки.

Каламбурное обыгрывание басни «Стрекоза и муравей» гораздо сложнее, т.к. Д. Быков, используя крыловский жанр басни, построил свою таким образом, что повествование идет от имени Стрекозы:

Да, подлый муравей, *пойду и попляшу*
И больше ни о чем тебя не попрошу.

Использованные трансформированные цитаты крыловского текста придают басне Д. Быкова некий колорит:

Ах, были времена! *Под каждым мне листком*
Был столик, вазочки, и чайник со свистком,
И радужный огонь росистого напитка...

Подобно многим своим соратниками по перу, Д. Быков активно использует библеизмы, античные КВ, цитаты из советских песен.

Библеизмы, традиционно, и в текстах Д. Быкова выполняют характеризующую функцию. Благодаря мощному влиянию источника — Библии — КВ-библеизмы несут в себе этот заряд мудрости, возвышенности и нравственности и придают контексту соответствующее возвышенное одухотворенное звучание:

Сейчас, при виде этой, дикорастущей,
И этой садовой, в складках полутеней,
И всех, создающих видимость *райской кущи*,
И всех-всех-всех, скрывающихся за ней.
или Так, по свершении разбега,
Он курит и глядит в окно,
В сиянье утреннего снега, —
А так как дело решено,
То там и *альфа*, и *омега*,
Конец с началом заодно.

Редкостью в стихотворениях Д. Быкова являются цитаты из советских песен. Так, строка из песни «Я люблю тебя, жизнь» композитора Э. Колмановского на слова К. Ваншенкина, как и все поэтические цитаты, выполняет образно-эстетическую функцию в лирическом объяснении в любви Д. Быкова:

Я люблю тебя больше, чем можно,
Я люблю тебя больше, чем нежно,
Я люблю тебя больше, чем нужно.
Так люблю — и сгораю бездымно,
Без печали, без горького слова,
И надеюсь, что это взаимно,
Что само по себе и не ново.

Типы функций крылатых выражений в поэзии Д. Быкова

Известно, что в поэтических цитатах фактически отсутствует денотативная часть, и на первый план выступает специфический элемент значения КВ — ассоциативная связь с источником. Поэтому образность, метафоричность, экспрессивность всего источника, запечатлевшись в этих цитатах, переносится и в контекст, где она употребляется, придавая ему лиричность текста известной песни.

Как уже говорилось выше, специфика функционирования КВ объясняется своеобразием семантики и структуры. Поэтому КВ предикативного характера способны выполнять аргументирующую, обобщающую, юмористическую, сатирическую, депатетическую, образно-эстетическую функции.

Обобщающую или аргументирующую функцию, как правило, выполняют фразы, представляющие собой обобщение человеческого опыта, некие философские сентенции либо очень известные цитаты-афоризмы. Именно такой фразой — КВ *горе от ума*, являющейся названием комедии А.С. Грибоедова, завершается абзац стихотворения Д. Быкова «Юбилейное», углубляя и обобщая сказанное автором, как бы подводя итог его рассуждению:

Извечны наши постулаты
на тему, Мол, «сума, тюрьма».

Мы как бессрочные солдаты,
Но горе то — не от ума.

В России Дмитрий Быков известен как писатель, поэт-сатирик, пишущий преимущественно на острые политические и социально значимые темы. Сам Д. Быков в своем стихотворении признавался:

Загоняв себя, как Макар телят,
И колпак шута заработав,
Я открыл в себе лишь один, но большой талант —
Я умею злить идиотов.

Поэтому совершенно понятно, почему одной из излюбленных функций КВ, которые он использует, является депатетическая. Интересно, что Д. Быков для сатирического осмеяния какого-л. социального явления современной России почти не берет КВ политической или социальной направленности, так называемые советизмы. Как это широко использовал В.Н. Войнович, излюбленным авторским приемом которого был «депатетизация патетизмов» [5. С. 58], в результате которого происходит полная дискредитация идеи, заложенной в этих выражениях. При этом исходная единица может как бы «выворачиваться наизнанку» и превращаться в символический окказионализм-перевертыш (напр. *Читайте, завидуйте, я — НЕ гражданин Советского Союза*) [6. С. 12].

Исключением, пожалуй, можно назвать неоднократное обращение Д. Быкова к цитатам В.В. Маяковского, чье творчество, проникнутое гражданским пафосом, стало гимном социалистическому строю и советскому гражданству. Так, например, цитата из стихотворения Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» *Через четыре года здесь будет город-сад!* рефреном проходя через все стихотворение Д. Быкова «На землю капли падали», посвященное описанию крушения демократических надежд либерально настроенной части населения России, в конце стихотворения и лишается своего патетического ореола. Кроме того, эта цитата используется еще и в роли анафоры, замыкая каждый стих. И если вначале патриотический романтизм строк Маяковского созвучен содержанию стиха Быкова:

Мы думали тогда ведь,
Наивные шуты,
Что если нас не давят,
То мы уже круты,
Нам выдана свобода,
Совок не воскресят —
*Через четыре года
Здесь будет город-сад.*

То в конце стихотворения, где звучит горечь разочарования, утраты надежд на будущее, Д. Быков как бы разрывает на осколки цитату Маяков-

ского, лишая ее тем самым романтического ореола и превращая эти осколки в остатки разбитых надежд:

Мечтать тяжеловато
О веке золотом.
И сад тут был когда-то,
И город был потом.
Пришла иная мода,
Прогнозы тут просты:
Через четыре года
Здесь будешь только ты.

В сатирической поэзии Быкова также «депатетизируются», становясь мощным оружием быковской сатиры, знакомые еще со школьной скамьи строки классика, исполненные патриотического пафоса.

Так, например, знаменитое четверостишие Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять», исполненное патриотическим звучанием, в котором воспевается загадочность русской души, подвергается депатетизации в сатирическом стихотворении Д. Быкова «Сон о баране». В этом стихотворении в рассуждениях о судьбе обезглавленного барана автором едко осмеивается ложный квасной патриотизм современной российской действительности, а главной идеей поэт провозглашает, что только «бестолковые бараны в Отечестве способны преуспеть», тютчевская крылатая фраза *Умом Россию не понять!* переосмысливается, как бы выворачивается наизнанку благодаря погружению в сатирический контекст Д. Быкова:

С ним задружилась остальная челядь,
лучше стало с жизнью половой.
Читай: «*В Россию надо только верить*» —
но это трудно делать с головой.

Известно, что самым интересным и стилистически выразительным в художественном плане является использование КВ в качестве средств организации контекста (шире — текста), при котором реализуется композиционная функция КВ.

Под композиционной функцией, вслед за С.Г. Шулежковой, мы понимаем использование КВ для композиционного объединения текста, когда эта языковая единица становится и композиционным стержнем литературного произведения [1. С. 145] В классических случаях, описанных в научной литературе, с КВ может начинаться рассуждение или описание (в данном случае композиционная функция может совпадать с функцией заголовка); КВ могут замыкать главу, являясь выводом приводимого рассуждения, а также на основе включения КВ в контекст может организовываться «кольцевое построение» произведения. Очень часто такая организация текста основывается на каламбурном обыгрывании КВ, которое является композиционно связующим звеном и употребляется как в узуальном, так и в окказиональном виде.

В поэзии Д. Быкова композиционная функция КВ столь же излюбленный прием, как и у других авторов. Однако он вносит свою лепту, что, безусловно, является одной из главных отличительных черт его поэзии. Многие писатели используют в своих контекстах целые фрагменты чужого текста, препарировав их в своих художественных целях. Д. Быков не исключение, однако он работает тоньше и многограннее в этом направлении.

Он может использовать крылатую цитату в качестве рефрена своего стиха. Например, в стихотворении «На землю капли падали» таким рефреном становится КВ из стихотворения В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» *Через четыре года здесь будет город-сад!* Д. Быков анафорически замыкает ею каждую свою строфу, как бы подытоживая свой рассказ о зарождении, развитии и конце демократического пути в развитии России.

Потом герои запили,
Простились со стыдом,
Потом разбили залпами
Тот самый Белый дом,
По дури ли, по злобе ли
Взъярились дети гор —
Мы столько там угробили,
Что страшно до сих пор.
Но тучи в час восхода
Плотней всего висят.
*Через четыре года
Здесь будет город-сад!*

Причем, как было сказано выше, сама крылема подвергается авторской обработке, что усложняет авторский контекст, еще больше заточивает авторскую сатиру:

Гляжу на подполковника —
И вижу: это мы.
Осталось пить без просыпа,
До белых поросят.
Здесь нет другого способа
Устроить город-сад.

А в стихотворении «Памяти Блока» обыгрывается его общеизвестное четверостишие:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века,
Все будет так. Исхода нет.

Д. Быков строит каламбур вроде бы классически, т.е. отталкивается от источника, цитирует его. Но на протяжении его рассуждений о мастерстве

поэта Блока, о его гении, Быков опять имплицитно вводит блоковский текст, как будто ставя вехи времени:

*ночь, улица, фонарь, аптека,
колючий снег, а чаще дождь,
на месте дряхлого генсека —
накачанный и бодрый вождь.*

В этом стихотворении ключевую роль играет осколок блоковского контекста — *Исхода нет*, который несет основную смысловую нагрузку:

*в душе любой подобен зэку,
соседом брезгует сосед
Разбей фонарь, ограбь аптеку —
а все равно исхода нет.*

Именно этот фрагмент исходной крылатой фразы опять становится рефреном в рассуждениях автора о безысходности современной ему действительности. Она становится выражением главной идеи стихотворения:

*У либерала вся отрада —
послать проклятье палачу,
а патриоту так и надо:
исхода нет — и не хочу.*

Но Д. Быков использует КВ в композиционной функции не только имплицитно или эксплицитно. Так, например, стихотворение «Подражание Пастернаку» построено не столько на включении цитат поэта в контекст, сколько на ассоциативном переходе от знаменитого рефрена пастернаковского стиха «Зимняя ночь» *Свеча горела на столе, свеча горела* к рефрену быковскому — «*Чуть ночь, они топили печь*». Благодаря этой ассоциации Д. Быков передает ощущение человеческого тепла, взаимодействия двух влюбленных сердец:

*Чуть ночь, они топили печь.
Плясали тени по обоям.
Огня лепечущая речь
Была понятна им обоим.*

На первый взгляд может показаться, что стих Быкова намеренно снижен лексически по сравнению с возвышенным творением Б. Пастернака:

*Чуть ночь, они топили печь.
Дрова не сразу занимались,
И долго, перед тем как лечь,
Они растопкой занимались.*

.....

*Дрова успели отсыреть
В мешке у входа на террасу,
Их нежелание гореть
Рождало затруднений массу,*

Но заявленная высокая философская планка с помощью включения в контекст цитат из «Зимней ночи» в начале стиха и в конце и создает кольцевую композицию ассоциативного ряда смысловых переносов стиха Пастернака и стихотворения Д. Быкова:

Жарка, уютна, горяча,
Среди густеющего мрака
Она *горела, как свеча*
Из «Зимней ночи» Пастернака.

.....
Чуть ночь, они *топили печь,*
И в отблесках ее свеченья
Плясали тени руки и плеч,
Как некогда — *судьбы скрещенья.*

Основные приемы стилистического использования крылатых выражений у Д. Быкова

Общеизвестно, что фразеология представляет собой обширный материал для языкового творчества, что вполне объясняется как образной природой фразеологизмов, так и их принадлежностью к общенациональному языковому фонду, единицы которого усваиваются носителями русского языка естественным путем и используются ими в разных формах коммуникации. Поэтому разнообразные формы преобразования фразеологизмов опознаются и осознаются читателями и достигают того коммуникативного и стилистического эффекта, на который были рассчитаны.

Обычно под языковой игрой понимают языковую шутку, т.е. словесную форму комического или цельный текст с комическим содержанием. Однако В.М. Мокиенко призывает рассматривать понятие языковой игры «в русле двух основных аспектов языковой иронии вообще — и как средство, т.е. вид тропа, создаваемый контрастом между буквальным (эксплицированным) и переносным (имплицированным) значением, и как результат, целостный эффект единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации» [7. С. 105].

И действительно, языковая игра как осознанное и намеренное нарушение нормы в специальных коммуникативных и художественных целях позволяет создателям художественных текстов реализовывать свою авторскую индивидуальность, оставаясь в границах языковой компетенции массовой читательской аудитории.

В.М. Мокиенко признавал, что к КВ может быть применима практически вся шкала фразеологических индивидуально-авторских трансформаций [8. С. 7—32].

Традиционно они разделены на 2 основных типа — семантические и структурно-семантические. К первым относятся, например: приобретение

КВ дополнительного оттенка; переосмысление; изменение коннотативного содержания; двойная актуализация, буквализация значения, авторская этимология, экспликация внутренней формы и др.

Ко вторым — изменение компонентного состава: расширение, сокращение, изменения в расположении компонентов, внутренние и внешние морфологические преобразования, изменения внутренней синтаксической структуры, переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот, расширение и сужение лексико-синтаксической сочетаемости, полная деформация, использование отдельных компонентов выражения и др. [9. С. 167].

В поэзии Дмитрия Быкова можно найти применение почти всего спектра индивидуально-авторских трансформаций, как семантических, так и структурно-семантических. Автор, очень часто работая над семантикой КВ, буквализирует ее значение, что позволяет автору переосмыслить его семантику. Подобный прием двойной актуализации можно наблюдать в стихотворении «Если б молодость знала и старость могла...», в котором поэт рассуждает о времени, о себе, о душе человеческой, которая с возрастом претерпевает изменения:

О сужайся, сожмись, забывая слова,
 Предавая надежды, сдавая права,
 Усыхай и твердей, ибо наша задача —
 не считая ни дыр, ни заплат на плаще,
не любя, не зовя, не жалея, не плача,
 Под конец научиться не быть вообще.

Из контекста видно, что буквализации, но с усложнением инверсией, подвергается цитата из лирического стихотворения С.А. Есенина *не жалею, не зову, не плачу*, которая благодаря семантическому переосмыслению лишается автором есенинского лирического звучания, что создает определенную авторскую иронию.

В поэзии Д. Быкова немало классических структурно-семантических трансформ, например, замены компонента, которая, как мы знаем, приводит к актуализации контекста. Так, например, известная цитата М.Ю. Лермонтова «*Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ*» путем использования нескольких субституций превращается в описание невеселого будущего родины поэта:

Прощай, свободная Россия,
 Страна замков, оград, ворот!
 Прощай, немытая стихия —
 Так называемый народ!

Довольно часто Д. Быков в своей поэзии прибегает к изменению внутренней синтаксической структуры крылатой фразы. Так, например, в стихотворении «Мне страшно жить и страшно умереть...» шекспировская фраза *Офелия, о нимфа! помани мои грехи в твоих молитвах!* в контексте Быкова приобретает следующую форму:

Еще надежда теплится в дому
И к телу льнет последняя рубашка.

Молись за тех, Офелия, кому
не страшно жить и умирать не тяжело.

Дмитрий Быков — мастер глубокого, сложного образа. В своих стихах он создает сложные аллегории, его образы метафоричны, полны сарказма. И чтобы достичь этой глубины изображения, автор использует чаще всего не один, а несколько приемов преобразований КВ в рамках одного контекста, что является, на наш взгляд, еще одной специфической чертой художественного стиля писателя. Комбинации приемов индивидуально-авторского употребления, используемые Д. Быковым, разнообразны. Чаще автор прибегает к комбинации двух приемов.

Так, например, библейское КВ из Нового Завета (Евангелия от Матфея, Луки) *Ищите да обряцете* трансформируется автором дважды. Так, в стихотворении «Подражание древнерусскому» Д. Быков не только изменяет глагольное окончание компонентом, но и расширяет его компонентный состав, вводя лексемы *все* и *не*, что, безусловно, способствует актуализации его контекста, но оставляя, тем не менее, высокую патетику библейского выражения:

Где тебя я видел? В метро ли нищем,
В окне горящем?
Сколько мы друг друга по свету ищем —
Все не обряцем.

Авторской трансформации может подвергаться целый контекст исходного текста. Так, например, в стихотворении «Футурологическое» каламбурному обыгрыванию подвергается отрывок А.С. Пушкина из поэмы «Медный всадник»:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Д. Быков, не меняя исходного патетического звучания пушкинской фразы, заменяет компонент в КВ *Россию поднял на дыбы* и как бы расчленяет весь контекст, тем самым вкладывая в нее свое, авторское, звучание:

Когда в огне переворота
Россия встанет на дыбы
И постучит в мои ворота
Костлявый перст моей судьбы.

И в конце невозможно обойти вниманием такую особенность стиля поэзии Д. Быкова, как публицистичность. Это, конечно, не лингвистическая категория, а скорее, литературоведческая. Но пристально всматриваясь в стиль автора, отмечаешь, что он пишет почти всегда на злобу дня. Являясь колумнистом «Новой газеты», печатного органа оппозиционной направленности, Д. Быков мгновенно откликается в поэтической форме на какое-либо общественное событие российской действительности.

«Баллада бесприютности» — это отклик поэта на запрет властями Украины на въезд россиян-мужчин младше 60 лет. Стихотворение «Беженское» появилось после того, как Европу захлестнула волна беженцев. Только вышел материал об увольнении с работы американской журналистки Меган Кейли после ее интервью с В.В. Путиным, в колонке Д. Быкова появляется «Новая песня о родине». Таким образом, о современной жизни России можно узнать, читая стихотворения Д. Быкова. В этом, на наш взгляд, и заключается «публицистичность» его поэзии.

Сам Д. Быков в одном из своих стихотворений признавался:

У меня насчет моего таланта иллюзий нет.

В нашем деле и так избыток зазнаек.

Я поэт, но на фоне Блока я не поэт.

Я прозаик, но кто сейчас не прозаик?

В том, что он большой мастер русского слова, сомнений быть не может, о чем свидетельствуют крылатые цитаты в его стихах.

Заключение

Анализ поэтического творчества Дмитрия Львовича Быкова, позволяет сделать вывод, что поэт использует «крылатый» языковой арсенал во всем его многообразии. Будучи мастером глубокого, объемного образа, он создает сложные аллегории, метафорические образы, для чего использует чаще всего не один, а несколько приемов преобразований крылатых фраз. Главной особенностью поэтического стиля Д. Быкова, на наш взгляд, является публицистичность языка его поэзии. Острый язык сатиры его стихотворений всегда актуален, чему несомненно, способствует весь спектр используемых им крылатых слов и выражений.

Библиографический список

1. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. пед. ин-та «Факел», 1995.
2. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. К.: ИПЦ «Київський університет», 2002.
3. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Том 1. А–М. (2008); Том 2. Н–Я. (2009). 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск — Greifswald, 2008—2009.
4. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения, их источники и развитие. М., Азбуковник, 2002.
5. Мокиенко В.М. Депатетизация патетизмов в современном тексте // Современные языковые процессы: межвузовский сборник. СПб., 2003. С. 55—69.
6. Зыкова Е.И. Крылатые выражения в произведениях В. Войновича. Автореф. кан. дисс. СПб., 1997.
7. Мокиенко В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Таврического нац. университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2012. no 25 (64)—2 (1). С. 100—109.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997.

9. Мокиенко В.М. Крылатые слова как лингвистическое явление и как объект обучению РКИ // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. Том III. Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному. СПб, 2003. С. 161—169.
10. Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Я. Фразеологизмы в русской поэзии XIX—XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Под науч. ред. В.М. Мокиенко. Кострома: Костромской гос. университет, 2016.
11. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова. М.: Центрполиграф, 2017.
12. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.
13. Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. «Школьный словарь крылатых слов русского языка» как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2019. по 16. С. 153—163.
14. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., Новое литературное объединение, 2000.
15. Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М., Флинта: Наука, 2011.
16. Зыкова Е.И. Устойчивые сочетания в современном русском медиа-тексте (на материале языка СМИ и Интернета) // В кн: Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография. Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Ж. Финк. Грайфсвальд. СПб. — Загреб, 2017. С. 129—132.
17. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019, 10 (2). С. 256—272.
18. Мокиенко В.М. Пословица в поэтическом тексте // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова; предисл. А.Е. Якимов. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 211—225.
19. Мокиенко В.М. Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений (опыт лексикографирования) // Образование Луганщины. Теория и практика. 2018. по 4. С. 2—5.
20. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018.

References

1. Syulegkova, S.G. (1995). *Winged expressions of the Russian language, their sources and development*. Chelyabinsk. (In Russ.).
2. Dyadechko, L.P. (2002), *Winged words as an object of linguistic description: history and modernity*. Kiev. (In Russ.).
3. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Syulegkova, S.G. (2008—2009). *A large dictionary of winged words and expressions of the Russian language*. Vol. 1. A—M. (2008); Vol. 2. N—YA. (2009). Magnitogorsk—Greifswald. (In Russ.).
4. Syulegkova, S.G. (2002). *Winged expressions, their sources and development*. Moskow. (In Russ.).
5. Mokienko, V.M. (2003). Depatetization of patetism in the modern text In *Modern language processes: interuniversity collection*. St. Petersburg. (In Russ.).
6. Zykova, E.I. (1997). *Winged Expressions in the Works of V. Voinovich* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Mokienko, V.M. (2012). Phraseology and language game: dynamics of form and meaning. In: *Scientific notes of the Vernadsky Tauride University. Series: Philology. Social communications*, 25 (64) —2 (1)—1. (In Russ.).
8. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Phraseologisms in Russian speech*. Vocabulary. Moskow: Russian dictionaries. (In Russ.).

9. Mokienko, V.M. (2003) Winged words as a linguistic phenomenon and as an object of learning RCTs. *X Congress MAPRYAL*. Vol. 3. St. Petersburg. pp. 161—169. (In Russ.).
10. Melerovich, A.M., Mokienko, V.M. & Yakimov, A.Ya. (2016). *Phraseologisms in Russian poetry of the 19th—21st centuries Dictionary: the experience of lexicographic systematization of the use of phraseological logisms in Russian poetry*. Under the scientific, V.M. Mokienko (Ed.). Kostroma: Kostroma state. University. (In Russ.).
11. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2017). *Winged expressions, literary images and quotes from the fables of Ivan Andreevich Krylov*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
12. Lomakina, O.V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiosyncrasy: monograph.*, V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
13. Mokienko, V.M. & Zykova, E.I. (2019). The school dictionary of winged words of the Russian language”as an object of lexicographic description. *Questions of lexicography*, 16, 153—163. (In Russ.).
14. Zubova, L.V. (2000). *Contemporary Russian poetry in the context of the history of language*. Moscow: New Literary Association. (In Russ.).
15. Shulezhkova, S.G. (2011). “And life, and tears, and love ...”. *The origin, meaning, fate of 1,500 winged words and expressions of the Russian language*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
16. Zykova, E.I. (2017). Sustainable combinations in the modern Russian media text (based on the material of the language of the media and the Internet) In: *Slavic phraseology in modern media (journalistic discourse). Collective monograph*. Repl. ed. H. Walter, V. M. Mokienko, J. Fink. Greifswald. SPB — Zagreb. pp. 129—132. (In Russ.).
17. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Wingfish in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 256—272. (In Russ.).
18. Mokienko, V.M. (2018). Proverb in a poetic text. *Life of phraseology — phraseology in life: a collection of scientific articles for the anniversary of Professor A.M. Melerovich* / editor and comp. I.Yu. Tretyakov; foreword A.E. Yakimov. Kostroma: Publishing house Kostroma. state University. pp. 211—225. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. (2018). Classics of Russian literature in the mirror of winged expressions (experience of lexicography). *Education of Lugansk region. Theory and practice*, 4, 2—5. (In Russ.).
20. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2018). *The winged words of fables by Ivan Andreevich Krylov*. Dictionary. SPB: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Зыкова Елена Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; сфера научных интересов: фразеология и крылатика русского языка, афористика русского языка, фразеография; e-mail: e.zikova@spbu.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0003-3815-178X. eLIBRARY SPIN-код: 9813-0633.

Information about the author:

Elena I. Zykova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language for the Humanities and Natural Sciences Faculties Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University”; Research interests: phraseology and winged Russian language, Russian language aphorism, phraseography; e-mail: e.zikova@spbu.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0003-3815-178X. eLIBRARY SPIN-code: 9813-0633.